

Богоборчество.

(Въ чемъ доблестъ Іакова и правота Іова).

Я милости прошу, а не жертвы и Боговъденія больше, нежели, всесоужженій.

Оссія. 6,6.

Вотъ наступятъ дни, когда нашлю на землю голодъ — не голодъ хлѣба, не жажду воды, но жажду слышанія словъ Господнихъ. И будутъ ходить отъ моря до моря, скитаться отъ сѣвера къ востоку, ища слова Господня — и не найдутъ его...

Амосъ. 8,11,2.

Исключительно въ юдаизмѣ, на страницахъ священной Библии, мы встрѣчаемся съ однимъ, въ высшей степени своеобразнымъ, сложнымъ и глубокимъ явленіемъ религіозной жизни — съ богоборчествомъ. Оно не повторяется ни въ какой другой религіи и до сихъ поръ остается совершенно неосвѣщеннымъ, даже незатронутымъ въ богословской литературѣ. Первымъ выразителемъ этой идеи явился патриархъ Іаковъ. По Библии Богъ возлюбилъ Іакова больше, чѣмъ Авраама и Исаака, больше чѣмъ остальныхъ чадъ своихъ. Но чѣмъ

именно онъ такъ рѣзко выдѣлился изъ ряда еврейскихъ патріарховъ? Онъ былъ единственнымъ, который дерзнулъ бороться съ Богомъ, притомъ въ тѣ времена, когда человѣка связывала съ Богомъ одна только безусловная покорность. Иаковъ былъ наиболѣе дерзновеннымъ въ родѣ своемъ. Вся Священная Исторія не знаетъ второго богоборца, если не считать Іова, дерзнувшего звать Бога на судъ и тоже много взысканнаго милостями Божьими. Не эту ли именно исключительную и ни въ комъ болѣе неповторяющуюся чертою души своей многогрѣшной Иаковъ и праведный Іовъ заслужили особое и исключительное благоволеніе Божіе?

Такое предположеніе совсѣмъ не такъ нелѣпо и дико, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Оно имѣетъ подъ собою серьезныя логическія основанія. Въ исторіи Иакова они не развиты и не раскрыты во всемъ ихъ объемѣ. Вся она — только первый робкій намекъ на нѣчто непонятное уму, неукладывающееся въ ходячемъ человѣческомъ пониманіи, кажущееся совершенно недопустимымъ и невѣроятнымъ. Борьба Иакова съ Богомъ происходитъ во снѣ, который, однако какъ то таинственно сплетается съ явью: поврежденіе ноги, полученное патріархомъ въ дерзновенномъ единоборствѣ, не прошло съ пробужденіемъ отъ сна, но осталось на всю жизнь въ видѣ легкой хромоты. Во снѣ можетъ привидѣться всякое несуразное — и мысль поверхностнаго читателя не особенно затрагивается этимъ рассказомъ. Но, вотъ, Іовъ вступаетъ въ діалектическое единоборство съ Богомъ уже не во снѣ, а на яву, и приводитъ весьма вѣскія логическія основанія для своихъ протестовъ. Въ его книгѣ религіозныя основы богоборчества раскрываются уже несравненно глубже и полнѣе. Замѣчательнѣе всего, что въ протестѣ своемъ и онъ неизмѣримо болѣе религіозенъ, чѣмъ его оппоненты въ ихъ поверхностномъ благочестіи.

Онъ исходитъ изъ той религіозной аксіомы, что Богъ есть верховная истина міра, творческая воля, разумъ и совѣсть Вселенной. Живой Богъ требуетъ отъ живой человѣческой души непрерывнаго и правдиваго суда мысли и совѣсти надъ всѣмъ происходящимъ и надъ всѣмъ сущимъ. Но, вѣдь, гдѣ есть судъ, тамъ можетъ быть и осужденіе — хотя бы по ошибкѣ, по невѣденію, по неполнотѣ и неточности данныхъ. Низвергнутый на гноище праведникъ не ропщетъ на Бога, онъ покорно несетъ посланное ему страданіе, но понимая всѣ несчастія свои, какъ наказанія за грѣхи, и не зная за собою такого грѣха, онъ хочетъ только оправдать Божью жестокость по отношенію къ себѣ и больше, чѣмъ гнойными язвами проказы, мучается логическою невозможностью признать справедливой кару, наложенную на безвиннаго. Главнымъ источникомъ всѣхъ его терзаній была необходимость во имя истины, во имя логики отказаться отъ вросшей въ его сердце идеи абсолютной справедливости Божіей, ибо онъ зналъ и чувствовалъ, что за отрицаніемъ ея начинается уже отрицаніе самого Бога, убійственный и разлагающій душу атеизмъ.

«Зачѣмъ Ты поставилъ меня противникомъ себѣ, такъ что я сталъ самому себѣ въ тягость?» — спрашиваетъ онъ Творца. Въ мукахъ и страданіяхъ гноища въ прокаженномъ праведникѣ пробудилась спавшая мысль. Онъ начинаетъ пытливо вдумываться въ общіе порядки жизни — всюду наталкивается на возмущающіе совѣсть примѣры Богомъ попускаемой человѣческой несправедливости. Промыселъ Божій, по его словамъ, «губить непорочнаго и виноватаго». «Земля отдана въ руки нечестивыхъ». «Лица судей Онъ закрываетъ. Если не Онъ, то кто же?» «Часто ли угасаетъ свѣтильникъ у беззаконныхъ и находитъ на нихъ бѣда?» «У сироты уводятъ осла, у вдовы берутъ въ залогъ вола; бѣдныхъ сталкиваютъ съ дороги; голодныхъ кормятъ коло-

сьями; всѣ униженные земли принуждены скрывать-ся». «Жнутъ они въ полѣ не своемъ и собираютъ виноградъ у нечестивца, нагіе ночуютъ безъ крова и безъ одѣяній на стужѣ, мокнутъ отъ горныхъ дождей и жмутся къ скалѣ». «Въ городѣ люди стонутъ и душа убиваемыхъ вопіетъ и Богъ не воспрещаетъ того».

Какъ видите, это уже цѣлый обвинительный актъ, строгая ревизія всего управленія міромъ: все осмотрѣно, взвѣшено, все признано неладнымъ. Въ общей картинѣ мірового неблагоустройства имѣются особенно мрачные пункты. Главный изъ нихъ полная безнадежность всего человѣчества передъ лицомъ смерти. «Для дерева, — разсуждаетъ Іовъ, — есть надежда, что срубленное, оно снова оживетъ и отрасли отъ него выйдутъ не перестанутъ. А человѣкъ умираетъ и — распадается. Отошелъ — и гдѣ онъ? Лежитъ и уже не встанетъ. До скончанія неба онъ не пробудится и не воспрянетъ отъ сна своего». «Но плоть его на немъ болитъ и душа его страдаетъ». Опять таки и здѣсь Іовъ не ропщетъ, не укоряетъ, онъ только объективно рисуетъ общее положеніе вещей, общее строеніе жизни человѣческой. Съ такою же объективностью сужденія говоритъ онъ и о своей личной скорбной участи. «Нынѣ Ты изнурилъ меня. Ты разрушилъ всю семью мою. Дни мои прошли. Думы мои, достояніе сердца моего, разбиты». «Вотъ Онъ убиваетъ меня», «а они (друзья-утѣшители), — продолжаетъ Іовъ, — ночь хотятъ превратить въ день, свѣтъ хотятъ приблизить къ лицу тьмы». «Богъ ниспровергнулъ меня, я кричу: обида, — и никто не слушаетъ. Вопію — и нѣтъ суда». «Я желалъ бы только отстоять пути мои передъ лицомъ Его». «Вотъ я завелъ судебное дѣло и знаю, что буду правъ». «Лицемѣръ не поидетъ передъ лицо Его». «Живъ Богъ, лишившій меня суда, и Вседержитель, омрачившій душу мою». «Но, — заключаетъ Іовъ, — доколѣ не умру,

не уступлю непорочности моей. Долженъ ли я лгать на правду свою?»?

Исторія Іова — быть можетъ самая глубокая по религиозному смыслу своему, страница Библии. Ее читаешь, какъ слова откровенія. Въ ней воочію раскрывается сокровенная связь, внутреннее единство Бога и человѣческой совѣсти, божественность человѣческаго разума. Богъ есть полная и всеобъемлющая Истина, а человѣческій Разумъ — пламенное и неискоренимое стремленіе къ Истинѣ. При единосущности Совѣсти и Разума съ Богомъ, человѣкъ уже не можетъ отречься отъ Разума во имя Бога, напротивъ, онъ долженъ прійти къ Богу во имя своего Разума, хотя бы и слабого, и колеблющагося и несовершеннаго въ нашемъ человѣческомъ ничтожествѣ, но по самой внутренней природѣ своей все же Богожаждущаго и по самой разумности своей Богопреклоненнаго.

Въ пониманіи Бога Библия становится здѣсь именно на эту точку зрѣнія. И вполне справедливо: монотеизмъ тѣсно связанъ съ идеей единства и всемогущества Божія, а всемогущество логически связано съ идеей всеправедности, съ постулатомъ абсолютной гармоніи — съ Разумомъ и Справедливостью. Это — логически неразрывная цѣпь совершенствъ. Друзья и утѣшители Іова, упрекавшіе его за попытку честно и логично согласовать переживаемое личное несчастье и весь ходъ міровой жизни съ идеей абсолютной справедливости и Всевидящаго, Всесильнаго и Вездесущаго, обвинили его въ нечестіи и защищали Божій авторитетъ мелкой человѣческой ложью. Но какъ же оцѣниваетъ ихъ попытку Библия? Самъ Богъ посрамилъ ихъ за ихъ нечистоплотную вѣрность: Онъ не принялъ ихъ жертвы отъ нихъ самихъ, но принялъ ее только черезъ того, кого назвали они нечестивцемъ и богохульникомъ. Ихъ грѣхъ, ихъ ошибка, ихъ умственное преступленіе — въ льстивомъ умаленіи моральнаго

значенія Бога и челоуѣка, а критическое благо-
честіе Іова — въ стремленіи путемъ строгаго суда
разума своего постичь правоту Господа. Глубоко
поучительная мораль этого библейскаго разсказа
показываетъ намъ, что служить Богу мы можемъ
лишь не отрекаясь отъ своего собственнаго чело-
вѣческаго разума и своей совѣсти и Богъ, какъ ра-
зумное начало міра, существующее до насъ и внѣ
насъ, вселяется въ наше сердце, внѣдряется въ
нашу душу и становится абсолютнымъ выраженіемъ
ея живой сущности. Изъ внѣшней, грозной и ка-
рающей силы Онъ дѣлается съ этого момента силой
внутренней и направляющей: Божій приговоръ надъ
рутинно-благочестивыми судьями Іова свидѣтель-
ствуетъ о томъ, что даже библейскій Богъ, назы-
вающей самыхъ излюбленныхъ сыновъ своихъ свои-
ми рабами, цѣнитъ въ нихъ не слѣпую рабскую
покорность, а непоколебимую вѣрность той верхов-
ной Истинѣ, которая олицетворена въ Немъ. Богъ
новозавѣтнаго толкованія черезъ Сына Человѣче-
скаго безконечно приблизилъ къ Себѣ весь родъ
людской и вчерашніе рабы Божіи стали Божьими
чадами. вмѣстѣ съ тѣмъ, для новаго міра высокая
мораль бунтующей души Іова стала еще болѣе род-
ной, близкой и обязательной, чѣмъ для ветхоза-
вѣтнаго міра. Отождествленіе божественнаго съ
человѣческимъ закрѣплено изреченіемъ: «Царствіе
Божіе внутри васъ».

* * *

Драма Іова возникла, какъ случайное недора-
зумѣніе между челоуѣческимъ пониманіемъ и Бо-
жьимъ Промысломъ: Богъ послалъ на бѣднаго пра-
ведника всѣ несчастія, какъ испытаніе, а страдаю-
щій праведникъ и его друзья — обвинители — всѣ
понимали и обсуждали іовскія злословія, какъ
наказаніе за грѣхи. Это, хотя и тяжелое, но все

же преходящее недоразумѣніе окончилось для Іова вполне благополучно: Богъ вернулъ ему здоровье, уваженіе друзей, удвоилъ и его богатства и его стада, и вмѣсто раздавленныхъ упавшей стѣною сыновей, далъ ему отъ новой жены вдвое больше новыхъ дѣтей, да еще и внуковъ и правнуковъ. Во власти Всемогущаго было все возмѣстить и Онъ щедро возмѣстилъ возлюбленному въ неистовствѣ своемъ боголюбцу, всѣ блага, которыхъ лишилъ его для испытанія. Іовъ принялъ удвоенныя милости Божіи съ великой благодарностью и скорбь о раздавленныхъ ради испытанія его благочестія дѣтяхъ не омрачала его радости при рожденіи новыхъ дѣтей, посланныхъ ему Богомъ. Если цѣнить дѣтей по числу ихъ, какъ возвращенныхъ Іову стада ослицъ, воловъ и верблюдовъ, то и здѣсь непоколебимый праведникъ былъ щедро взысканъ Божьею милостью. Но можемъ ли мы скрыть и отъ самихъ себя и отъ Господа, что съ нашей современной обостренно-индивидуалистической, сугубо-человѣческой точки зрѣнія, цѣнящей человѣка, и особенно ребенка, какъ безцѣнную живую личность, а не какъ единицу счета, не какъ «голову» верблюжьяго, ослинаго или человѣческаго стада, въ этой блаженной примиренности Іова есть что-то крайне несимпатичное, для богоподобнаго человѣка унижительное, и по отношенію къ его первой, для испытанія награжденнаго благочестія, цѣликомъ погубленной семьи, нѣчто почти предательское. Дѣйствительно одаренный божественнымъ разумомъ и совѣстью человѣкъ могъ ли пользоваться такимъ безразладнымъ счастьемъ на могилахъ своихъ погибшихъ для его удвоеннаго благополучія, дѣтей? Нѣтъ, онъ сказалъ бы Богу: «Ты воскресилъ мое здоровье и богатство, отнятыя отъ меня для испытанія, такъ воскреси же и моихъ дѣтей, смертью которыхъ Ты испытывалъ мою покорность. Я не могу жить и радоваться и благославлять жизнь, зная, что для про-

свѣтленія моей радости отнята жизнь у моихъ дѣтей и помня, что самая дорогія и близкія мнѣ существа безвинно гніють въ могилахъ. Поэтому, или верни мнѣ ихъ обратно живыми, или же возьми отъ меня и мою жизнь со всѣми Твоими благами и милостями».

Въ книгѣ Іова нѣтъ такихъ словъ и поэтому, даже не смотря на всю дерзновенность его моральныхъ протестовъ, его личность уже не можетъ казаться современному читателю такой высокой-героической и духовно цѣльной. Въ ней чувствуется несомнѣнная двойственность: съ одной стороны, такая бездонная глубина религіознаго пониманія, такая безграничная дерзновенность сужденія, а съ другой — такая рабская приниженность духа. такое низменное, почти корыстное предательство своей погибшей семьи. Насколько Іовъ религіозно высокъ и героиченъ на гноищѣ, настолько же онъ ординаренъ, духовно приниженъ и мелко эгоистиченъ въ ореолѣ взысканности божьими милостями. Неужели же мысль и душу человѣка просвѣтляетъ возвышаетъ только страданіе и несчастіе? Но вѣдь тогда проказа и гноище — высшее благо, которое Богъ можетъ даровать своему избраннику, ибо что можетъ быть дороже и важнѣе просвѣтленнаго пониманія жизни?

Въ двойственности Іова чувствуется скрытое внутренне противорѣчіе. Оно можетъ оказаться совершенно сглаженнымъ при одномъ предположеніи, что въ новыхъ дѣтяхъ воскресли и возвращены ему его умершія дѣти. По буквальному смыслу сказанія ему все было возвращено, все, что отъ него было взято, и «еще прибавлено столько же». «Все, значить, въ томъ числѣ, и умершія дѣти, ибо это, несомнѣнно, самое главное и цѣнное, что у него было. Именно они, именно тѣ самая, которыя были раздавлены неожиданно рухнувшюю стѣною, а не какія нибудь другія, новыя, пришедшія вза-

мѣнь. Иначе на кого же легла бы въ такомъ случаѣ безвинная гибель ихъ, которая морально и религіозно еще неотложнѣе требовала ихъ возстановленія, чѣмъ всѣ хозяйственныя убытки и протори столь пострадавшаго отъ Божьяго испытанія праведника: вѣдь богоподобный человѣкъ, какъ личность, незамѣнимъ буквально никѣмъ и ничѣмъ, ибо самъ въ себѣ онъ представляетъ абсолютную цѣнность. Съ религіозно-критической и философской точки зрѣнія, моральная оцѣнка личности Іова и весь смыслъ его исторіи зависятъ отъ этой подробности, которая осталась въ библейскомъ сказаніи недосказанной, т. е. отъ освѣщенія событій разсказа съ точки зрѣнія метампсихоза или возрожденія умершихъ дѣтей въ рожденныхъ послѣ гноища.

Въ книгѣ Іова Священная Исторія впервые ставитъ передъ человѣческимъ разумомъ вопросъ о тайнѣ смерти и діалектически связываетъ его съ понятіемъ о Всеблагомъ, Всеправедномъ и Всемогущемъ Богѣ. Вѣдь если погубленные для испытанія отца дѣти не были возвращены къ жизни и бытію, то какъ оправдать жестокою казнью безвинныхъ и какимъ предательски-гноснымъ должно казаться все дальнѣйшее процвѣтаніе Іова. Подъ гнетомъ личныхъ страданій онъ дошелъ до требованія міровой справедливости. Неужели же, получивъ удвоенную порцію житейскихъ благъ, онъ тотчасъ же позабылъ о ней и даже не подумалъ освѣтить съ точки зрѣнія ея непререкаемыхъ требованій трагическую судьбу своихъ малютокъ, жестоко и бессмысленно расплющенныхъ упавшею стѣною? Трудно повѣрить, чтобы такой высокій религіозный протестъ безслѣдно потонулъ въ низменно-эгоистическомъ сытомъ самоуслажденіи, въ корыстно-рабскомъ пресмыкательствѣ передъ щедро-дарующей, но облитой дѣтской кровью десни-

цей. Здѣсь чувствуется и логическая, и психологическая недосказанность.

Вопроса о смерти вообще Іовъ касается только вскользь при сравненіи человѣка съ деревомъ, о смерти же собственныхъ дѣтей упоминается съ горечью, но почти мимоходомъ, весь поглощенный гнетущимъ ощущеніемъ собственныхъ незаслуженныхъ обидъ и страданій. Быть можетъ въ ту эпоху была именно такая психологія. Но въ дальнѣйшей эволюціи человѣческой личности и религіознаго сознанія человѣка этому вопросу, несомнѣнно, суждено сыграть первенствующую роль: въ немъ человѣческое разумѣніе, такое, каково оно есть, должно рѣзко и принципиально разойтись съ Богомъ. И теперь уже смерть является самымъ острымъ вопросомъ отношеній человѣческаго Разума къ Сущему: Сущій и сущее — это Богъ и жизнь. И оба становятся одинаково непонятными передъ лицомъ смерти. Въ пониманіи современнаго европейца эта черная загадка совершенно убиваетъ гармонію реальнаго міра, уничтожаетъ самое чувство реальности жизни и всякое представленіе о направляющемъ ее Всеблагомъ и Справедливомъ Разумѣ. Кто освобождается отъ обмановъ и миражей чувственнаго міра сего, кто выходитъ изъ подъ власти почти автоматическихъ чувственныхъ инстинктовъ и иллюзій своихъ, тотъ сейчасъ же повишаетъ своею, вышибленною изъ колеи предвзятыхъ аксіомъ мыслью, надъ темной бездной. Все минуетъ, все проходитъ, остается только одна холодная пустота безконечности:

Смотрить взоромъ пустымъ
Вѣчность въ сонмы вѣковъ...

Ростущій въ своей сознательности человѣкъ не можетъ и жить и умирать только механически, стоя передъ во вѣки непостижимою загадкою жизни и

смерти. Но для того, чтобы разрѣшить ее, религіозная философія будущаго непременно должна расширить наше пониманіе существующаго воспріятіемъ запредѣльнаго, безтѣлеснаго, внѣфизическаго бытія, въ противномъ же случаѣ оставленный при нынѣшнихъ ресурсахъ одного лишь чувственнаго познанія человѣкъ, во имя ограниченнаго предѣлами своего чувственнаго пониманія Истины, осудить Всемогущаго виновника всѣхъ смертей, какъ извѣчнаго виновника всѣхъ смертей, назоветъ его Владыкою смерти и тлѣна, воспротестуетъ противъ Него всею своею ищущею Безконечности мыслью и всею своею человѣческою совѣстью, и броситъ къ престолу Его свой раздробленный черепъ. Во имя божественной Истины и Справедливости ненашедшія прозрѣнія чада проклянутъ своего Отца страшнымъ сыновьимъ проклятіемъ, отъ котораго содрогнется Вселенная и померкнутъ свѣтила небесныя, и откажутся передъ Создателемъ отъ своего тлѣннаго и безсмысленнаго, лишеннаго логической опоры, бытія, отъ механическаго продолженія жизни рода въ безконечной смѣнѣ поколѣній, отъ этого вѣковѣчнаго, темнаго, скорбнаго и безцѣльнаго пресмыкательства въ прахъ и тлѣнѣ...

Тутъ не можетъ быть компромиссовъ и полурѣшеній. Именно въ вопросѣ о смерти или начало окончательнаго разрыва между жизнью и мыслью, между человѣкомъ и Богомъ, или же путь къ полному внутреннему сліянію между ними. Для того, чтобы Создатель смертной жизни не казался бы намъ всемірнымъ убійцей, мы должны, мы обязаны во что бы то ни стало уразумѣть таинственную связь человѣческой личности съ вѣчностью, постичь тайну безсмертія, проникнуть въ тайну нашего безтѣлеснаго бытія, а постичь ее мы не въ силахъ, пока не выйдемъ изъ узкихъ рамокъ чувственнаго

воспріятія и чувственнаго мышленія. Непримири-
мое противорѣчіе между потребностью вѣчности и
временностью всего чувственнаго на извѣстномъ
уровнѣ развитія дѣлаеть уже психологически не-
возможнымъ дальнѣйшее продолженіе этой вре-
менной смертной и тлѣнной жизни. Вопросъ о
смерти, впервые и только мимоходомъ поставлен-
ный брошеннымъ на гноище прокаженнымъ пра-
ведникомъ, будетъ съ каждымъ днемъ все больше
и все мучительнѣе обостряться въ сознаніи мыс-
лящаго человѣчества. Наше религіозное чувство
и сознаніе должно такъ или иначе разрѣшить его,
преодолѣть этотъ барьеръ духа. Не пройдя черезъ
него, не очутившись по ту сторону его, наша мысль
не приблизится къ Богу логикою, всѣмъ строимъ
своимъ и правдолюбіемъ своимъ останется беско-
нечно далекой отъ Него, вѣчно Ему чужой и враж-
дебной. Она не можетъ признать Его, отказавшись
отъ логики, отъ Истины, отъ себя самой, потому
что Богъ, купленный цѣною такого отступничества
и правдопредательства, уже не будетъ истиннымъ
Богомъ, который намъ нуженъ, какъ духовная и
психологическая основа фізическаго бытія чело-
вѣка.

Эту горькую чашу надо испить до дна. Черезъ
муки богопроклятія черезъ огненные страданія
богоненавистничества человѣческой разумъ при-
детъ къ болѣе глубокому Богопознанію, къ болѣе
широкому міропониманію и въ новыхъ, бесконечно
углубленныхъ и расширенныхъ методахъ мышле-
нія, въ мистическомъ уразумѣніи жизни и смерти,
духовно сольется съ симъ Господомъ. Именно ужа-
сомъ своей логической непостижимости загадка
смерти вырветъ человѣческое сознаніе изъ плѣна
чувственнаго міра и принудитъ насъ перейти къ
инымъ методамъ воспріятія и мышленія. Смѣлое
самоотверженное, героическое богоборчество бу-
детъ нужно для преодоленія этого послѣдняго ду-

ховнаго искуса. Изъ этого слѣдуетъ, что богоборчество, — это тяжелый и кружной путь къ истинному познанію Господа, своего рода Голгофа человѣческой мысли. Великое испытаніе духа начинается только теперь, но, прозрѣвая его неизбежность сквозь даль вѣковъ, направляющая рука уже заранѣе научаетъ насъ по исторіи Іакова и Іова, наравнѣ съ безусловнымъ послушаніемъ Богу, высоко и религіозно цѣнить также дерзостное неистовство свободной богоищущей человѣческой мысли и совѣсти, свято чтить святую неукротимость критической мысли, даже передъ лицомъ и дѣлами самого Творца.

* * *

Еще одна психологическая подробность, освѣщающая положеніе: Іовъ не былъ равнодушенъ къ самому себѣ, онъ еще не оторвался свободно и окрыленною мыслью отъ своей тѣлесной и духовной личности, не вышелъ изъ рамокъ индивидуальнаго самочувствія и самосознанія — полное божественное одухотвореніе человѣка, разрѣшающее мучившія Іова противорѣчія, пришло много позднѣе, съ Іисусомъ Христомъ. Поэтому великій праведникъ библейской эпохи говорилъ съ Господомъ только какъ страдающая плоть, какъ стонущій тлѣнь. Передъ подавляющими аргументами всемогущества и авторитета Божьяго (а не правоты Его) Іовъ тотчасъ же смирился и покаялся «въ прахъ и пеплѣ», хотя самъ Богъ подтвердилъ его правоту передъ оппонентами. Іовъ не скрываетъ, что подавленъ страхомъ. Между тѣмъ уже самый вызовъ на судъ требуетъ безстрашія и предполагаетъ въ чемъ то нѣкоторое равенство обѣихъ тяжущихся сторонъ — ихъ уравненіе передъ Истиной и Справедливостью. Какое же можетъ быть равенство между грознымъ и угнетающимъ абсолютнымъ всемогуществомъ и трепещущей за свое благополучіе

тварью, пресмыкающеюся «въ пыли и прахѣ», ранѣе раздавленною сознаниемъ своего ничтожества? Чтобы смѣть судиться съ Богомъ, Іову надо было раньше сдѣлаться совершенно равнодушнымъ къ своимъ собственнымъ страданіямъ и радостямъ, ко всей своей судьбѣ и личности, словомъ, предварительно потерять всякій интересъ къ своей особѣ. Только полная отрѣшенность отъ самаго себя могла дать ему ту независимость духа, которая нужна для дѣйствительно свободнаго и нелицепріятнаго суда надъ Богомъ. А отрѣшенность отъ себя, равнодушіе къ своимъ мукамъ и радостямъ, къ своей судьбѣ и къ своей личности — это уже психологическое выхожденіе изъ границъ своей индивидуальности, полная эмансипація нашего духовнаго «Я» отъ тварнаго, физическаго, страдающаго, тѣлеснаго «я». Готовность къ вѣчному мученичеству, внутреннее сліяніе человѣка съ его высшею духовною сущностью преобразуетъ его самого въ какую то космическую духовную силу. Его окончательная нераздѣленность съ идеей міровой Истины и Справедливости дѣлаетъ человѣка уже не индивидуумомъ, живущимъ въ себѣ самомъ, а высшимъ космическимъ духомъ, живущимъ уже за предѣлами своей личности.

Но Іовъ, пересчитывающій своихъ ословъ, воловъ и верблюдовъ, слишкомъ прикованный къ чувственному міру, слишкомъ чувствующій его блага, еще не дошелъ до такого вознесенія въ духовности. И въ своей скорби, и въ своей радости, и въ своемъ благочестіи, и въ своемъ протестующемъ дерзновеніи онъ еще не поднялся изъ «праха и тлѣна», изъ «персти и пепла» — поэтому и самый его протестъ остался такимъ же перстнымъ и тлѣннымъ, какъ онъ самъ. Онъ судилъ Бога безъ всесторонняго знанія всего, что было, есть и будетъ — т. е. послѣдующаго возстановленія своего благополучія — и его судъ не могъ не оказаться ошибоч-

нымъ, не могъ не быть слѣпымъ уже въ силу того простого невѣдѣнія, что всѣ его несчастья были только временнымъ испытаніемъ, а не карою. Осудивъ его за слѣпоту суда человѣческаго, Богъ въ то же время оправдалъ и превознесъ его за стремленіе къ моральному пониманію рѣшеній и произволѣній Божьихъ. Великая религіозная прорава Іова въ пониманіи Бога, какъ живого разума и совѣсти Вселенной и въ неудержимомъ стремленіи къ единству, къ отождествленію съ нимъ разума и совѣсти человѣческой въ самомъ тяжёломъ сужденіи о дѣлахъ Творца и порядкахъ творенія. Религіозная ошибка обличителей Іова въ томъ, что для оправданія Бога они отrekliсь отъ своего разума и совѣсти, т. е. лгали, лицепріятствовали и лицемерили въ рутинномъ благочестіи своемъ. Таковъ глубокой, въ высшей степени поучительный именно для нашихъ поколѣній внутренній смыслъ, бессмертнаго по своимъ красотамъ сказанія объ Іовѣ. Богу пріятнѣе даже ошибочное осужденіе устремленной къ Нему искренней мысли человѣческой, чѣмъ слѣпое рабство и благочестивая изоляція Его за предѣлы Разума и Совѣсти. И вполне понятно: религія, вѣдь, — это — не отторженіе человѣка отъ Бога, а воссоединеніе человѣка съ Богомъ, слияніе въ томъ, что есть наиболѣе божественнаго и святаго въ еще полуживотномъ и тварномъ, еще перстномъ и глиноземномъ человѣкѣ, — т. е. въ его Совѣсти и въ его Разумѣ. Здѣсь религіозное оправданіе, этическая основа и великое очищающее служеніе богоборчества. Вотъ въ чемъ безпримѣрная доблесть Іакова, вотъ въ чемъ глубочайшая религіозная прорава Іова.

Ипполитъ Гофштеттеръ.